

ВЕНИАМИН КАВЕРИН

Май 1923 года. Белая ночь. Ленинград — тогда еще Петроград. Из дома Николая Тихонова на Зверинской улице далеко за полночь вышла компания молодых людей. Мосты через Неву были уже разведены.

Где, в какой ночной чайной решили мы обосноваться, дожидаясь шести часов утра, когда разведенные мосты на Неве снова опустятся? Когда именно Каверин вынул из кармана несколько листов рукописи и начал читать свой рассказ? Все это погребено за семью замками в кладовой моей памяти, но я хорошо запомнил самый рассказ.

Наверно, потому запомнил, что уж очень легко было сблизить наше путешествие по белой ленинградской ночи со странным приключением, описанным в этом рассказе. Здесь рассказывалось о том, как сильно загулявшие приятели вздумали выйти из свойственного им реального мира, из пространства и времени, действительно вышли и вот очутились на поверхности гигантской бочки, которая и оказалась на поверку вместительнее нашей четырехмерной вселенной.

Парадокс мальчишеский сверх меры. Его убедительность была в том, что юноша двадцатых годов был сыном своего времени и обращался к своим сверстникам. Среди них был покойный Лев Лунц, Всеволод Иванов, Николай Никитин, Евгений Шварц и совсем юный, моложе всех нас, Николай Чуковский. (Называю только тех, что ушли навсегда.)

Но убедительность была и в том, что белая ночь всегда сказочна, а молодости ничего другого не требуется.

С той поры прошло сорок шесть лет. Срок невозможно огромный, я и не пытаюсь охватить его. Но я осмеливаюсь утверждать со всей ответственностью, что Вениамин Каверин очень мало и несущественно изменился со

времени той юношеской весны, той бессонной ночи на Петроградской стороне.

Я утверждаю, что на всем писательском пути Каверин был прежде всего сказочником. Ему сопутствовал, как верный слуга, риск смелого парадокса, отчаянная с точки зрения критики гипотеза.

Вот судьба бедного глухонемого мальчика. Когда он вырос и стал славным полярным летчиком и мечта его жизни осуществилась, тогда, несмотря на весь густой и добротный реализм каверинского повествования о Двух Капитанах, этот роман остается великолепной сказкой нашего века. Недаром им уже больше трех десятилетий так зачитываются подростки.

Такая же сказка — «Открытая книга», история умной и прелестной женщины, история ее научного открытия, — все это так близко к повседневному бытию современного человечества. Но разве можно забыть, что узел жизненной истории завязался неожиданно в нелепой дуэли двух смешных гимназистиков под низким северным небом в одном из русских губернских городов. Но как высоко поднялось это небо в романе. Для непредубежденного читателя эта чудесная сказка о великой эпохе и ее возможностях.

Я нарочно говорю о самых зрелых книгах Каверина, чтобы тем сильнее и назидательнее подчеркнуть цельность его пути. Ибо цельность пути — это сила характера, воля, направленная в одну сторону, может быть, и бессознательно направленная.

Здесь можно было бы вспомнить и ранние повести, такие, как «Конец хазы» или «Большая игра», и «Скандалиста». И особенно, конечно, роман, в свое время намертво отвергнутый недальновидной критикой — «Художник неизвестен», — роман, революционная сущность которого безусловно должна ожить сейчас, когда наше изобразительное искусство наконец-то освободилось от тусклого ахро-охряного колорита, от ползучей эмпирики, которую та же недальновидная критика усердно выдавала за реализм.

Много раз Вениамин Каверин утверждал связь своего творчества с точной наукой. Недавно он рассказал о том, как на конверте, в котором был послан первый его рассказ на конкурс, стоял девиз: «Искусство должно строиться на формулах точных наук».

Итак, точная наука! Естествознание! Но ведь пределы точности естествознания тоже весьма относительны. Туманность Андромеды все-таки туманна. Электронный микроскоп видит то, чего не видит человеческий глаз; попробуйте проверить своими глазами это видение. Уместно напомнить, каким рискованным полетом в мировое пространство началось естествознание двадцатого века. Первая русская революция девятьсот пятого года была роковой знаменитой формулы: «энергия равна массе, помноженной на квадрат скорости света». Вот откуда ведет летосчисление современное естествознание. Теория относительности Эйнштейна окрылила плечи и раздвинула пределы сознания не одним физикам. Она распахнула черный бархат ночи и перед художниками, и перед поэтами. Недаром Каверин задумал когда-то роман о Лобачевском.

Есть машины серийные, самолеты, которые не дрогнут в полете, в них все обкатано, перед пилотом хорошо освещенные приборы, ему достаточно нажать пужную кнопку, и опустятся прочные шасси, три точки одновременно коснутся земной поверхности. В пассажирский салон подается завтрак на пластмассовом подносе, и человек, заплативший столько-то рублей, так и не заметит, что пролетел материк или океан.

Но есть машины, предназначенные для испытания. Есть летчики-испытатели, рискующие головой. Их труд опасен. По-видимому, это один из самых увлекательных трудов на свете.

Есть испытатели и среди писателей. Испытателем всегда был и навсегда останется Вениамин Каверин. Он останется двадцатилетним Кавериним, иначе ему неинтересно работать.

Таким я вижу его и сегодня.

«Милая моя, пойми, это талант! А ты знаешь, что такое талант? Смелость, свободная голова, широкий размах... Посадит человек деревцо и уже загадывает, что будет от этого через тысячу лет, уже мерещится ему счастье человечества...»

Так в душную июльскую ночь шепчет чеховская героиня. Как и подобает настоящей женщине, она влюблена в того, о ком говорит. Я хочу применить чеховское определение таланта к Каверину. Я тоже влюблен в него.

В одном из своих последних рассказов, полумемуарных, полужантасических (как и положено лихому рассказчику), Вениамин Каверин писал:

«Мне запомнился этот вечер. Тоненький Антокольский, говоривший о поэзии с таким вдохновением, что казалось, еще секунда — и он оторвется от пола, вылетит в окно, начнет кружиться над Москвой, и на стене — другой Антокольский, в цилиндре и крылатке, тоже куда-то косо летящий. Один из них читал стихи, — мне казалось, что тот...»

Я осмелился привести здесь это драгоценное для меня воспоминание старинного друга о временах почти пятидесятилетней давности не только из-за его лестного отзыва, но и потому, что Вениамин Каверин остался в нем как нельзя более верен самому себе. Все это сплошная сказка!

Да, мы встретились тогда впервые. Вениамину Александровичу было девятнадцать лет. Дело было в разгар душного и сухого лета. Он почти неправдоподобно загорел; не то юный бедуин, не то соенок. Он уставился на меня большими выпуклыми глазами — настороженно и едва ли не насмешливо. Но я почувствовал в нем будущего друга, единомышленника, может быть, младшего брата. Прилагательное «младший» употреблено только в отношении той давней эпохи. Потому что впоследствии возрастная разница между нами совершенно стерлась. Да, она равняется тысяче годам, но на старости лет это означает только то, что мне еще предстоит поздравить Каверина с семидесятилетием — если буду жив к тому времени.

А что касается его самого, то лучшей спортивной формы и не придумаешь! Он легок на подъем, перевидал за последние годы множество стран, великих и великолепных городов. Его охотно переводят за рубежом, — так было всегда. И это понятно!

Он рассказчик более чем достоверный. Но достоверность не играет главной роли в конфликтах облюбованных им комедий и драм. Она прячется где-нибудь в укромном уголке, в пыли сваленных кулис, и тщательно избегает показать свое настороженно-сконфуженное личико.

Вот отчего безусловно веришь этому увлеченному и выдумщику. Вот отчего Каверин до конца

верен избранному когда-то пути. Можно быть спокойным: он не изменит себе.

Да и зачем! Каждый художник тем и силен, что не похож на других. У Каверина есть гордость «лица необщим выражением».

Пускай присяжные литературоведы разбираются в его сходстве со Стивенсоном, Эдгаром По, Гофманом или Михаилом Булгаковым. Это их забота: ставить художника слова на ту или другую запыленную полку их непроветренной памяти.

У меня забота другая. Не забота, а тревога: полная уверенность к другу, твердое убеждение в том, что он похож только на того молчаливого юношу 1920 года, который, как казалось мне когда-то, смотрел на меня полунастороженно-полунасмешливо, а на самом деле вынашивал в себе целый мир приключений, сказок и открытий во вселенной, которая вот-вот должна была родиться!

1962